

О.Б. БОЖКОВ

РОДОСЛОВНЫЕ (ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ) ДЕРЕВЬЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

О социальных корнях и социальной памяти

Наполненная катастрофами российская история XX века вызвала серьезные "сбои" в социальной памяти поколений, которая непосредственно связана с преемственностью культурной традиции и воспроизводством ценностно-нормативной подсистемы общества. Впервые я отчетливо осознал эффект утраты социальных корней, когда несколько лет назад, рассказывая семиклассникам о социологии, попросил их перечислить своих родственников, а еще лучше – нарисовать родословное дерево. Во-первых, дети неожиданно для себя выяснили, что плохо знают своих родственников. Во-вторых, оказалось, что они не знают многих слов, обозначающих родственные отношения. Чаще всего они не знали (или забывали) отчества, даты основных жизненных событий (дни рождения, свадьбы, образование, места рождения и места жительства родственников, особенно иногородних), а также где и кем работают (или чем занимаются) родственники, а иногда и родители. В большинстве родословных деревьев кроме родителей фигурировали лишь бабушки и дедушки – прабабушки, прадедушки и более отдаленные во времени предки упоминались лишь в единичных случаях. Тем не менее, каждое родословное дерево в среднем включало около 50 персонажей. Конечно, за этой цифрой скрывается значительный разброс. Достаточно сказать, что самое "ненаселенное" дерево включало 8 человек, расположившихся на трех уровнях (самого информатора, его родителей, бабушек и дедушек), зато на самом "большом" дереве на шести уровнях (три над уровнем информатора и два под ним), располагалось 215 персонажей. В конце 80-х – начале 90-х годов проблема генеалогических деревьев разрабатывалась вполне целенаправленно как со школьниками (учащимися 10–11 классов), так и студентами.

За прошедшие годы картина существенно не изменилась. Впрочем, обнаружилось, что у кого-то оказались уже готовые родословные деревья, в разное время составленные родителями, а чаще бабушками или дедушками. Эти случаи, а также активная реакция ленинградцев на нашу просьбу присылать в Биографический фонд¹ описания своей жизни, семейные хроники и

Божков Олег Борисович – старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Адрес: 198147 Санкт-Петербург, Измайловский проспект, 14. Телефон: (812) 316-21-62. Факс: (812) 316-29-29. Электронная почта: olegbozh@hotmail.com
Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант N 98-06 80308.

¹ Биографический фонд в секторе социально-культурных изменений Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН создан в 1989 году. В настоящее время он насчитывает около 300 автобиографических материалов са-

другие материалы, рассказывающие об их личном жизненном опыте, отчасти опровергали гипотезу о тотальном разрушении социальных корней. Оказалось, что многие люди сознательно стремились сохранить свои социальные корни и историю своих предков.

Нарушения исторической памяти, "раскачка" и разрывы социальных корней в мировой истории (не только в России и не только в советское время) при более внимательном подходе оказываются делом обычным. Разрывы такого рода обуславливались эпидемиями, периодами рабства (не только при рабовладельческом строе, но и в новой истории), войнами, революциями и другими причинами. Долгое время сознательная забота о сохранении корней была прерогативой привилегированных слоев общества, что имело под собой вполне рациональное основание – подтверждение (и утверждение) легитимности занимаемого ими положения.

Во многих странах, в том числе России, сохранению социальных корней "широких народных масс" не способствовала принудительная миграция крестьянства. Отмена крепостного права в 60-е годы прошлого века, как показала история, также не стала заметным фактором укрепления исторической памяти. События первой половины XX века – три революции подряд, гражданская война, несколько волн массовых политических репрессий, вторая мировая война – скорее всего лишь усугубили тенденцию к исторической и социальной амнезии. Утрата и искажения исторической памяти, разрывы социальных корней вполне подпадают под дюркгеймовское определение социального факта [1], и данное обстоятельство требует своего теоретического осмысления. Кроме того, в советский период российской истории этот "социальный факт" приобрел угрожающие масштабы.

Конец советского периода вызвал обострение интереса людей к своим социальным корням. Свидетельств тому много. Это и появление большого числа книг, в которых содержатся пространные жизнеописания, воспоминания о родственниках и общественных событиях, семейные хроники и семейные истории; введение во многих общеобразовательных школах специальных уроков, на которых детей обучают составлять генеалогические деревья; создание исторических, генеалогических, биографических обществ, фондов, архивов и т.п. Интерес к своему социальному прошлому, более или менее отчетливое и реализуемое на практике стремление людей к осознанию своего места в мире, к восстановлению исторической памяти, можно сказать, приобретает массовый характер. Это – тоже социальный факт, заслуживающий теоретического осмысления.

ных разных людей, представителей всех слоев общества. Большая часть этих материалов (автобиографии, семейные хроники, дневники, хозяйственные записи, письма и т.п.) хранились в семьях задолго до того, как мы обратились к населению по радио и через газеты с предложением взять их на хранение с целью научного анализа. Некоторую часть фонда составляют материалы биографических интервью. В основном мы брали интервью в тех случаях, когда сами люди в силу разных причин не могли самостоятельно составить автобиографию, но выражали готовность обстоятельно описать ее устно, наговорить на магнитофон.

Одно из объяснений массового интереса людей к своим социальным и историческим корням связано с резкой сменой социальных ориентиров, разрушением старой самоидентификации и мучительным поиском новой. Составление генеалогических деревьев – один из традиционных способов реконструкции важных элементов социального бытия, помогающих самоопределению человека.

Понятие генеалогического (родословного) дерева

Понятию и способу изображения генеалогического дерева предшествовала аристотелевская идея “лестницы существ”. Русский ученый П.С. Паллас (1766 г.) впервые доказал, что линейно-ступенчатое расположение организмов не отражает соотношения между классами животных и предложил изображать систему органических тел в виде генеалогического дерева [2].

Родословия царей, правителей, мифических героев существовали уже в древности, но особое значение они приобрели в Средние века в связи с установлением и оформлением сословных (особенно дворянских) привилегий. Это вызвало появление особых генеалогических справочников (в форме генеалогического древа или таблиц), в которых указывались все члены основной и боковых ветвей рода, их брачные связи. Особенно много таких справочников стало появляться с XV века. Возникнув и первоначально развиваясь как практическая отрасль знаний, служившая целям доказательства древности и знатности происхождения отдельных родов, генеалогия приблизительно с XVIII-XVIII веков начинает складываться как вспомогательная историческая дисциплина (А. Дюшен, П. Ансельм во Франции, Дж. Дагдейл в Англии, К.М. Шпенер, Я.В. Имхоф, И. Гаттерер в Германии и др.) [3].

В России родословные книги появились в 40-е годы XVI века. Они содержали родословия княжеских и боярских фамилий, представители которых занимали высшие должности в государственном и военном аппаратах. Наиболее известен “Государев родословец” (1555-1556 годы). В 1682 г. для составления родословных книг всего русского дворянства была создана Родословных дел палата, которая дополнила “Государев родословец”, создав Бархатную книгу. После изданий Жалованной грамоты дворянству (1785 г.) дворянские собрания составляли родословные книги, в которые вносились все сведения о дворянстве данной губернии. Эти книги велись вплоть до 1917 г., и все содержащиеся в них сведения должны были представляться в Департамент герольдии.

С середины XIX в. стали появляться родословия русских княжеских и дворянских родов, составленные отдельными авторами. В отличие от более ранних (официальных) родословий, являвшихся делопроизводственными документами, они представляли собой своеобразные научные исследования.

Первоначально генеалогии возникли “как практическая отрасль знаний” и служили для установления прав наследования, владения, получения привилегий и т.п. путем установления степени родства между людьми. В связи с этим для ведения родословий были созданы специальные (преимущественно государственные) институты.

Таким образом, генеалогии как вид деятельности были порождены социальной практикой, а затем уже и само понятие, и способ изображения

(“древо”) были освоены биологией, палеонтологией, генетикой, селекцией, медициной, лингвистикой, антропологией, историей и социологией. Лишь в середине XIX века генеалогии попали в поле зрения обществоведов. В других областях знания принцип родословного древа как исследовательский прием, как метод познания, начали применять значительно раньше. Не удивительно, что сегодня социология вынуждена заимствовать методы и технику работы с такого рода структурами у биологии, лингвистики, истории и других наук.

Генеалогические деревья в смежных научных направлениях

В последние десятилетия интерес к анализу генеалогических деревьев значительно возрос. Литература по данной проблеме насчитывает тысячи названий. Только база библиографических данных Sociofile (1998 г.) содержит более 150 журнальных статей, в той или иной мере относящихся к проблеме генеалогий, среди них абсолютно релевантных – более 50%². Наиболее популярная тема генеалогических исследований – социальная мобильность (практически во всех аспектах этого понятия) вне зависимости от того, в рамках какой научной дисциплины проводилось исследование. Активно изучаются традиционные для генеалогической проблематики вопросы наследования и собственности, а также различные аспекты репродуктивного поведения (рождаемость, брачность, плодовитость и т.п.). При этом относительно редко обсуждаются методологические аспекты анализа генеалогий в социологической науке. Признанным лидером в данной проблематике является Д. Берто [4, 5].

Интересные результаты получены при изучении наследования биологических признаков, в частности, наследственно обусловленных заболеваний [6, 7, 8, 9]. Особое внимание исследователей вызывают небольшие демографические изоляты, в которых браки заключаются между индивидами близкого родства. Исключительно нетривиальный взгляд на проблему содержит работа П.Ш. Габдрахманова, посвященная изучению повседневной жизни средневековых крестьян на материале генеалогических деревьев (Фландрия, XII век). П.Ш. Габдрахманов замечает, что история частной жизни средневековых крестьян еще не написана. “Но может ли она быть написана в принципе? Какими же возможностями для этого мы располагаем? Чаще всего нам не удастся по документам узнать о крестьянах ничего, кроме имени. Но уже само имя способно многое рассказать,.. – пишет П. Ш. Габдрахманов, – в именах детей проявлялись социокультурные представления их родителей о самих себе и своей семье, об идеалах и моральных ценностях, о надеждах и помыслах связываемых ими с судьбой своих детей. Эти-то обстоятельства и позволяют исследователю, используя методы антропонимического анализа, вступить в “диалог” со средневековыми крестьянами. Притом этот “диалог” может быть особенно продуктивным, если исследователь вступает в контакт не с изолированными индивидами, но с семейно-родственными группами крестьян (курсив наш. – О.Б.), внутри которых и происходил процесс имя-

² Автор выражает благодарность Г.С. Батыгину за консультации по библиографии и телекоммуникационным ресурсам.

творчества. В случае Ланиардис (имя прародительницы крестьянского рода. – О.Б.) речь идет даже о родословной на протяжении нескольких поколений. На фоне относительной скупости данных наших источников о частной жизни средневековых крестьян уникальность и значимость подобного рода документов выступает особенно явно...” [10, с. 209-238, 212].

Более тридцати лет назад К. Белл изучал на основе родословных деревьев социальную и географическую мобильность, тесноту и характер социальных контактов между семьями, входящими в одну семейно-родственную группу, процессы выделения молодых в самостоятельные домохозяйства и т.п. Белл использовал генеалогические деревья как своеобразную призму, через которую он рассматривал семейные церемонии и ритуалы [11].

Наши опыты с родословными деревьями показали, что даже внимательное разглядывание (не анализ, а именно разглядывание) генеалогических деревьев порождает серьезные исследовательские вопросы. Действительно ли так коротка социальная память и столь непрочны социальные корни, что обрываются уже на втором – родительском – поколении? Что происходит с обычной семьей, почему даже о своих родителях дети (уже достаточно взрослые, не только школьники, но и студенты) располагают минимальной информацией? Пытаются ли родители таким образом оградить своих чад от скучной повседневности жизни, или история семьи для них самих настолько несущественна, что о ней и говорить-то нечего? Или это следствие отчужденности между родителями и детьми? Если так, то чем вызвана эта отчужденность? А может быть это вообще другая проблема, не имеющая отношения ни к социальным корням, ни к исторической памяти: проблема труда и быта в условиях социалистического общества? Если социальные корни действительно разрушены, если между детьми и родителями существует глубокое отчуждение, то понятнее становится предрасположенность молодых к неврозам, их беззащитность, с одной стороны, с другой – жестокость и индивидуализм. Им не на кого опереться, у них нет “тылов”, со всех сторон – фронт, непонятный и враждебный мир. А может быть скрытность родителей связана с тем, что по отношению к своим старшим поколениям (бабушкам, дедушкам нынешних детей) сами родители деградировали, опустили на более низкие ступеньки социальной иерархии и стесняются этого?

Другое возможное объяснение разрыва социальных корней – следствие осознания опасности родственных (особенно кровных) связей в условиях тоталитарного государства, решавшем вопрос о ликвидации “как классов” целого ряда сословий, в силу чего людям приходилось скрывать свое социальное происхождение. В этих условиях не только отпрыскам “чистопородных дворян”, аристократов или священников, но и крестьян, купцов, инженеров, чиновников кровные родственные связи оказывались чрезвычайно опасными. А затем родственные связи стали опасными для детей партийцев, революционеров и государственных служащих “первой волны” и, наконец, вообще для всех, у кого в семье кто-либо попал под каток репрессий. В 70-е годы был создан миф о “новой социальной общности – советском народе”. Анализ большого массива генеалогий мог бы способствовать пониманию того, какова была технология “переплавки” обычных людей в “новую социальную общность”?

Компьютерные технологии и родословные деревья

“Дерева” нетрудно обнаружить в программных продуктах, которые сегодня используются в любом персональном компьютере. Возьмем, например, Windows-95. Что такое “проводник” (explorer), как не иерархическое дерево. Принцип дерева использован также в блоках типа “Data Model Design”, “Paradox for Windows” и других программах. В 1997 г. рекламная кампания новой версии программы “QSR NUD*IST 4” вынесла на первые строки рекламных листовок, проспектов, буклетов сообщение о дополнении этого пакета средствами построения hierarchical tree.

Примеры активного использования в программировании “принципов и методов” иерархических (родословных) деревьев неисчислимы. Достаточно сказать, что родословные или генеалогические деревья – лишь один из видов древовидных структур, рассматриваемых теорией графов, наряду с иерархическими структурами, сетями Петри и т.д.

В последние годы создано немало специализированных программных продуктов³, которые делятся, как минимум, на три группы: 1) средства построения генеалогических деревьев и организации специфической базы данных; 2) инструментальные средства поддержки специфического формата (PAF, GEDCOM⁴), соответствующего стандарту; 3) инструменты графического представления и оформления генеалогий (семейных альбомов, например), а также их записи на компакт-диски или оформления web-страниц. Примечательно отсутствие каких-либо программ, предназначенных для анализа либо отдельных генеалогических деревьев, либо массивов данных такого рода. В публикациях приводятся результаты обработки генеалогических данных, но не упоминается, с помощью какого аналитического аппарата, с помощью каких компьютерных технологий они получены.

Доступные программные продукты, например, Corel Family Tree Suite, Family Tree Maker, имеют несомненные достоинства, прежде всего это относится к изысканному сервису. Однако, все они предлагают жесткую структуру базы данных, и неясно, есть ли возможность редактировать и изменять ее. Деревья хранятся в отдельных файлах (или поддиректориях), и пока не обнаружены средства, которые позволяли бы “собрать” и анализировать совокупность (массив) деревьев. В этих пакетах отсутствует аппарат анализа даже единичного дерева (элементарную статистику, то есть сведения о количестве персон и семей, отображенных на дереве, можно в расчет не принимать). Но пока не удалось вывести на экран или на принтер дерево целиком (впрочем, вполне возможно, это всего-навсего факт нашей личной биографии).

Генеалогические деревья: иллюстрация, источник информации или метод исследования?

Основная трудность заключается в том, что социологическую информацию еще требуется извлечь из генеалогических и родословных деревьев, определенным образом препарировать, сделать очевидной и “прозрачной”.

³ Обширный перечень программных продуктов имеется на web-сайтах [12, 13].

⁴ GEncealogicalDataCOMmunication

Данные, полученные традиционными для социологии опросными методами, в этом отношении мало полезны.

Во-первых, опросные методики (анкеты, планы интервью) не только ориентированы на индивидуальных информантов, но проблематизируют их собственное поведение, индивидуальные мотивы, оценки, отношения, ценностные ориентации. Это отчетливо прослеживается на попытках описания семейной структуры в анкетных обследованиях (табл. 1). При этом возникают неудобства с нумерацией признаков, кодированием и т.п. Члены семьи определяются в этих случаях исключительно по отношению к респонденту, что затрудняет аккуратное и теоретически осмысленное описание и анализ собственно структуры семей и семейно-родственных отношений. Как правило, дело сводится к плоским типологическим конструкциям вроде следующей: "1 – одиночки; 2 – только супруги без детей; 3 – супруги с детьми; 4 – супруги без детей с родителями; 5 – супруги с детьми и с родителями (бабушками и дедушками); 6 – один из супругов с детьми; 7 – один из супругов с детьми и с родителями (бабушками и дедушками); 8 – другое". Определенный выход из этой сложной ситуации нашли московские коллеги, представившие семейно-родственные отношения в структурном виде и описавшие их, не замыкаясь на респондента (табл. 2) [14]. Вероятно, задачи исследования не требовали более детального фиксирования и описания родственных отношений, чем это задано схемой кодирования. Однако не исключено, что "свободу" аналитика ограничивает и специфика анкетного метода⁵.

Во-вторых, признаковое пространство традиционных эмпирических данных, как правило, представляет собой либо очень "жесткую" схему, предназначенную для статистической проверки локальных, частных гипотез, либо, напротив, – ориентировано на пространное описание и в силу этого оказывается весьма эклектичным, затрагивающим много тем, каждая из которых раскрывается весьма поверхностно.

В-третьих, семейно-родственные отношения в разных науках описываются на разных "языках". Иногда мы используем слова, (например, "степень родства"), не отдавая себе отчет в том, что они имеют определенную "прописку" (в данном случае – демографическую) и достаточно определенный смысл, не совпадающий с тем, который вкладывает в них социолог-эмпирик. В частности, в демографии степени родства отражаются понятиями "родной", "двоюродный", "троюродный", "дядя", "тетя", "племянник", "внук", а "мать", "отец", "брат", "сестра" и т.п. к степени родства не имеют отношения. В лингвистике, биологии, других науках это же понятие наполняется несколько иным содержанием и отражается в других понятиях.

В-четвертых, традиционные опросные методы определенно ориентированы на настоящее (крайне редко на прошлое, и то, как правило, очень близкое – 2-3 года, в крайнем случае 5 лет), и на живых людей, тогда как родословные деревья "населены" не только живыми, современниками и потомками, но и предками, как близкими, так и весьма отдаленными.

⁵ Интервьюеры, участвовавшие в опросе, свидетельствовали о том, что с этим блоком анкеты работать было очень интересно и им самим, и респондентам, но затем и тем, и другим было трудно настроиться на "стандартные" вопросы анкеты.

Таблица 1

Пример предъявления блока вопросов о составе семьи в социологических анкетах. Опишите всех членов семьи, прописанных на данной площади (начните с себя):

	Степень родства	Возраст	Образование	Место рождения	Род занятий
4-8					
9-13					
14-18					
19-23					
24-28					
29-33					

Таблица 2

Матрица родственных отношений (связей)⁶

	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14
01														
02														
03														
04														
05														
06														
07														
08														
09														
10														
11														
12														
13														
14														
	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14

Схема кодирования

01 – муж/жена	08 – дедушка/бабушка
02 – отец/мать	09 – внук/внучка
03 – отчим/мачеха	10 – племянник/племянница
04 – сын/дочь	11 – тесть/теща, свекор/свекровь
05 – неродной сын/неродная дочь	12 – зять/невестка
06 – родной брат/родная сестра	13 – другие родственники
07 – сводный брат/сводная сестра	14 – другие лица, не родственники

⁶ В одном из предыдущих блоков “Семейного вопросника” перечислены и пронумерованы все члены семьи. Данные о каждом члене семьи содержались здесь же. Порядковый номер выполнял затем функцию краткого уникального имени. В матрице родственных отношений эти номера представлены в первой колонке и повторены в первой и последней строках. В клетках матрицы проставляются коды родственных или свойственных отношений, в которых находятся все члены семьи. Одинаковое число (14) строк и позиций в схеме кодирования – случайное совпадение.

Особняком стоят так называемые качественные данные, в частности, биографические интервью, материалы которых представляют собой, как правило, пространные расшифровки фонограмм. Тем не менее, круг вопросов, обращаемых к респондентам даже в специализированных биографических интервью, обычно укладывается в жесткую схему, формируемую на основе представлений об ограниченном пространстве сфер жизнедеятельности: семья, учеба (образование), работа или трудовая деятельность, быт, досуг, сфера личностной самореализации (увлечения, хобби и т.п.). Данное обстоятельство в последние годы стало осознаваться как определенная методологическая проблема, и интенсивно обсуждается в рамках исследовательского комитета "Биография и общество" Международной социологической ассоциации [15, 16, 17, 18, 19]. Тематическая заданность биографических интервью и автобиографий усугубляется переводом устной речи в письменные тексты, когда исследователь "приглаживает" и "причесывает" авторский текст, приводя его к нормам литературного языка, а по сути дела осуществляя таким образом первичную интерпретацию, непреднамеренно, но весьма существенно искажает изложенные респондентом факты⁷. Социологические выводы, построенные на базе "свободных" текстов, представляются несколько произвольными. Это, скорее, фантазии исследователя "по мотивам" интервью, нежели результаты их строгого научного анализа. И, наконец, если генеалогии и приводятся в социологических публикациях, то преимущественно как иллюстративный материал. Исключения не составили и материалы международного семинара в Словакии (17-23 августа 1992 г.), посвященного социологическому осмыслению жизненных историй и семейных генеалогий. Хотя сегодня чаще, чем 30 лет назад, можно встретить характерные рисунки-графы, описывающие семейно-родственные группы, генеалогические деревья представляют собой относительно новый тип объекта для социолога.

Рассмотрим генеалогические деревья в ряду других методов социологического исследования: стандартизированного анкетного опроса, фокусированного интервью, биографического интервью. При этом необходимо принять во внимание следующие их аспекты или атрибуты: статус и функции лица, от которого исходит конкретная информация; характер получаемой информации; способы организации и представления информации; способы обработки и анализа полученных данных (табл. 3).

К классу формализованных, количественных методов принадлежит, строго говоря, только стандартизированный анкетный опрос, другие виды опросов сегодня чаще всего относят к качественным. Имеется два подвида биографического интервью. Одно – тематизированное исследователем – практически не отличается от фокусированного интервью хотя бы тем, что в паре "респондент – интервьюер" в обоих случаях ведущим оказывается интервьюер. Второе являет собой принципиально иной тип метода, в котором инициатива целенаправленно отдана респонденту. Поэтому корректно именовать последнего не респондентом, а рассказчиком или информантом.

⁷ Этот аспект проблемы обстоятельно рассмотрен Н. Козловой и И. Сандомирской [20].

Обратим внимание на различия в мотивах участия в исследовании всех перечисленных выше субъектов. Мотивация респондента вписывается в рамки традиционных моделей культурного поведения. Она может быть усилена или ослаблена наличием (или отсутствием) у респондента личного интереса к проблеме, которой посвящено то или иное исследование; мастерством интервьюера (или его отсутствием). Однако в большинстве случаев респондент ведет себя по моделям “вежливого” или “законопослушного” человека. Иной характер мотивации наблюдается в нетематизированном биографическом интервью. Здесь начинает работать “автобиографический импульс” [21] рассказчика, образующий довольно сложный мотивационный комплекс и “включающий” дополнительные стимулы. Многие исследователи отмечают, что биографический импульс обладает значительным “энергетическим полем”, которое создает весьма серьезные психологические и социально-психологические проблемы и порождает специфическую задачу выработки специальных социально-психологических защитных механизмов для исследователя и/или интервьюера.

С родословными деревьями все обстоит иначе. Вне зависимости от того, берется ли составитель родословного дерева за дело по собственной инициативе или по инициативе исследователя, он начинает с обращения к собственной памяти, затем переходит к “внешнему” поиску и анализу документов и рано или поздно приходит к разным видам опроса (даже если опрашивает своих родителей, бабушек, дедушек или иных родственников). При этом он добровольно берет на себя функции исследователя. Наконец, в отличие от других названных выше случаев, здесь информант (не респондент и не рассказчик!) собирает сведения в основном о других людях, а не о себе самом. В родословном древе личность самого автора “растворяется”, “смешивается” с семейно-родственной группой — это всего-навсего один из “листочков” дерева. “Генеалогический импульс” как мотив намного сильнее биографического и имеет иную природу. Если биографический импульс “ищет выход вовне” и непременно ориентирован на читателя или слушателя, то генеалогический имеет более глубокую личностную основу и, скорее всего, не в такой степени нуждается во внешних стимулах.

Сопоставление различных методов сбора первичной социологической информации

Метод сбора первичной информации	Статус и функции лица, от которого исходит информация	Характер информации	Способы организации и представления информации		Способы обработки и анализа данных
			на стадии сбора	на стадии обработки	
Стандартизированный анкетный опрос	Респондент	Формализованный исследовательский монологовый респондент	Текстовый документ, бланк	Матрица числовых данных	Алгоритмы стандартного статистического анализа
Фокусированное интервью	Респондент	Формализованный исследовательский диалог с респондентом	Текстовый документ, бланк	Текст, гипертекст или матрица числовых данных, режиссерская база данных	Качественное описание данных. После кодирования алгоритмы стандартного статистического анализа
Биографическое интервью (тема-тизированное социологом)	Рассказчик (респондент)	Направляемое исследование рассказчика о своей жизни	Текстовый документ, бланк, сценарий	Текстовый документ, нарратив	Качественное описание данных. В случае кодирования данных алгоритмы статистического анализа
Биографическое интервью (тема-тизированное информантом)	Рассказчик	Самостоятельно выстроенное рассказчиком повествование о своей жизни	Отсутствуют	Текстовый документ, нарратив	Качественное описание данных. Классификация. Кодирование. Типологизация. Структурные модели. Простые статистики.
Родословное древо	Организатор сбора информации	Институционализированная информация о других людях (родственниках и свойственниках)	Отсутствуют	1) Граф родственных связей; 2) его описание (текст)	Качественное описание данных. Типологизация. Структурные модели. Простые статистики.

Таким образом, по мере движения от стандартизированного анкетного опроса к родословному древу (табл. 3) постепенно видоизменяются статус и функции лиц, которые являются "поставщиками" первичной социологической информации. Одновременно изменяется и характер самой информации, как по содержанию, так и по форме. Во-первых, сообщаемая информация постепенно "освобождается" от влияния исследователя, во-вторых, все меньше "замыкается" на самом респонденте и охватывает более широкий круг социальных акторов.

Изменения затрагивают и формы представления информации как на стадии сбора, так и на стадии обработки данных. На стадии сбора информации документ или бланк по мере перехода от одного метода к другому постепенно теряет "жесткость", "заданность", оставляет все больше места для личностных, индивидуальных черт информатора, а не исследователя, и, наконец, совершенно освобождается от изначальных (и активно навязываемых) концептуальных моделей исследователя.

Здесь представляется уместным затронуть проблему количественных и качественных методов. Во-первых, разные авторы вкладывают смысл в эти понятия разный смысл, во-вторых, при всем многообразии значений слова "качественный", чаще всего качественной называют ту информацию, которая труднее поддается формализации. Действительно, считается, что стандартизированная анкета с ее закрытыми вопросами понимается всеми участниками исследования (исследователями, интервьюерами, респондентами и даже заказчиками) однозначно. Именно в силу ее высокой формализованности полученные данные обычно представляют в виде матрицы (строки – респонденты, колонки – признаки). При тщательной теоретической проработке материалы фокусированного интервью, первоначально представленные чаще всего в виде магнитофонной или рукописной записи, после кодирования также могут быть преобразованы в числовую матрицу. По отношению к биографическим интервью сложилось устойчивое предубеждение, будто эта "тонкая материя" не поддается формализации и, следовательно, кодированию.

К родословному древу с точки зрения возможностей формализации, на наш взгляд, не подходит эпитет "качественное", ибо генеалогии сами по себе достаточно хорошо структурированы и вполне формализуемы. Другое дело, что применить к этой структуре традиционные для социологии алгоритмы статистического анализа очень не просто, но это отдельный вопрос, которого мы в данной статье касаться не будем.

Заметим лишь, что если в графе табл. 3 "Характер информации" генеральная тенденция (по мере движения сверху вниз) – увеличение свободы "респондента", то в графе "Способы обработки и анализа данных" генеральная тенденция – увеличение свободы (или произвола) исследователя; или (как практическая альтернатива) углубление теоретического анализа и методологической рефлексии. Все эти обстоятельства существенны не только для характеристики каждого метода, но и для оценки статуса и качества собираемой информации, осмысленной и достоверной ее интерпретации. Как видим, выбор метода имеет важные последствия и определяет тип исследования (или сам определяется типом исследования).

О структуре генеалогических деревьев – очевидной и не очевидной

Метод родословного дерева существенно отличается от других методов (объектов) социологического анализа также по форме организации и представления информации. Он имеет “комплексный” характер и состоит из двух частей. Первая – рисунок или граф, где каждый персонаж – “вершина”, а связи одной вершины с другими – “ребра”.

Ребра обозначают различные виды связи: вертикальными ребрами обычно обозначаются кровные связи между поколениями, а горизонтальными – родственные и свойственные связи в рамках одного поколения). Вторая часть – описание вершин и ребер графа либо в форме относительно свободного текста, либо в виде таблицы.

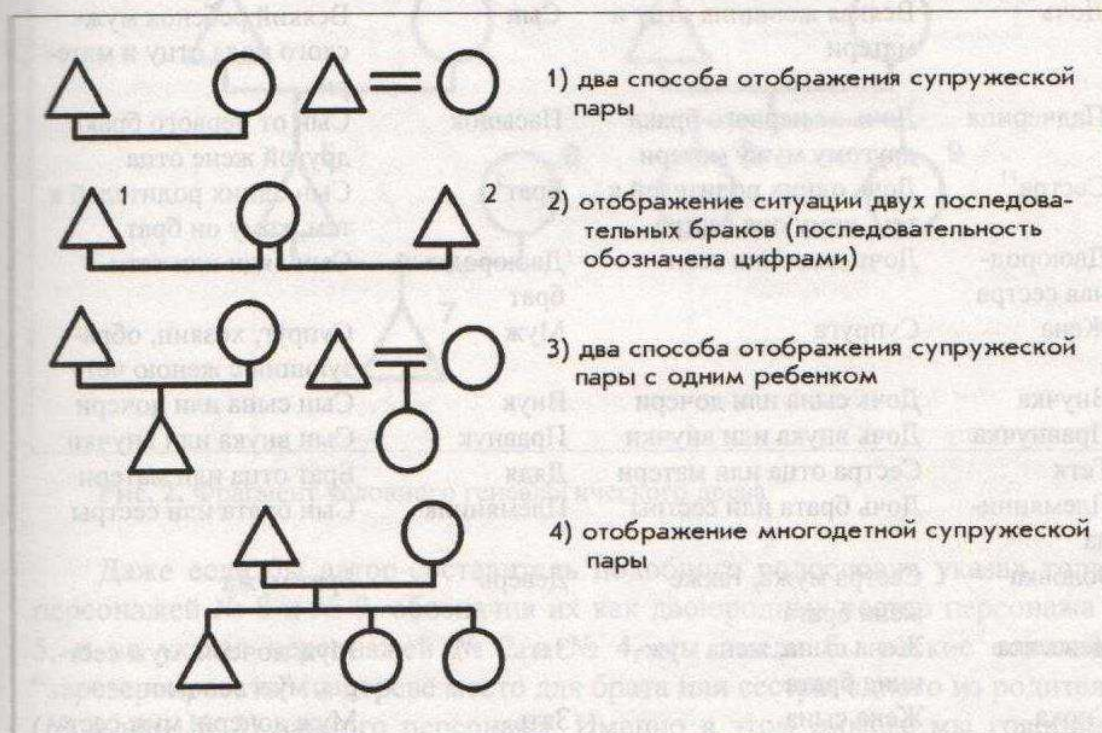

Рис. 1. Типичные фигуры родословного дерева (основные элементы)

Рассмотрим некоторые типичные (элементарные) фигуры родословных деревьев (рис. 1). Само по себе дерево образует каркас, заданный четкой структурой родственных и свойственных связей (табл. 4). Одни из связей могут быть квалифицированы как **прямые**: родители – дети (включая отношения “тесть/теща – зять” и “свекор/свекровь – невестка, сноха”) – супруги. Другие связи **опосредованные**. Во-первых, это дядя/тетя, бабушка/дедушка, прабабушка/прадедушка, внуки, правнуки, племянники и т.п.; во-вторых, золовка, деверь, шурин, ятровь, свояченица и т.п. (последние иногда называют не родственными, а “свойственными” отношениями). Однако вне зависимости от типа этих связей графический путь между любыми двумя персонажами генеалогического дерева имеет отчетливое описание и может быть вычислен.

Таблица 4

Основные русские термины родства¹

Женская линия		Мужская линия	
Название	Значение	Название	Значение
Праматерь	Первая по родословной женщина, от которой вышел род, поколение, дом, колено	Праотец	Первый по родословной мужчина, от которого вышел род, поколение, дом, колено
Прабабушка	Мать бабушки или дедушки	Прадедушка	Отец бабушки или дедушки
Бабушка	Мать отца или матери	Дедушка	Отец отца или матери
Мама, мать	Родительница	Отец	Родитель
Мачеха	Другая жена отца по отношению к его детям	Отчим	Другой муж матери по отношению к ее детям
Дочь	Всякая женщина отцу и матери	Сын	Всякий ребенок мужского пола отцу и матери
Падчерица	Дочь от первого брака другому мужу матери	Пасынок	Сын от первого брака другой жене отца
Сестра ¹¹	Дочь одних родителей к тем, кому она сестра	Брат ²	Сын одних родителей к тем, кому он брат
Двоюродная сестра	Дочь дяди или тети	Двоюродный брат	Сын дяди или тети
Жена	Супруга	Муж	Супруг, хозяин, образующий с женою чету
Внучка	Дочь сына или дочери	Внук	Сын сына или дочери
Правнучка	Дочь внука или внучки	Правнук	Сын внука или внучки
Тетя	Сестра отца или матери	Дядя	Брат отца или матери
Племянница	Дочь брата или сестры	Племянник	Сын брата или сестры
Золовка	Сестра мужа, также жена брата	Деверь	Брат мужа
Невестка	Жена сына, жена мужнина брата	Зять	Муж дочери, муж сестры, муж золовки
Сноха	Жена сына	Зять	Муж дочери, муж сестры, муж золовки
Свекровь	Мать мужа, жена свекра	Свекор	Отец мужа
Теща	Мать жены	Тесть	Отец жены
Свояченица	Родная сестра жены	Шурин	Родной брат жены
Ятровь	Жена шурина, жена деверя, жены братьев между собою	Свояк	Муж сестры, а также мужья сестер между собою
Свояченица	Сестра жены, то же, что ятровь		

¹ Составлено по словарю В.И. Даля [22].² Единоутробные – одной матери, но другого отца; единокровные – одного отца, но другой матери. Сводные братья (сестры) – дети поженившихся вдовцов (чужие)

Дадим описание родственных отношений между персонажами, представленными на рис. 2. Персонажи № 1 и № 2 брат и сестра³. Каждый из них имеет свою семью: № 3 является мужем сестры (№ 1), то есть по отношению к № 2 свояком, а № 4 – женой брата (№ 2), то есть по отношению к № 1 золовкой. Таким образом мы описали отношения свойства между персонажами верхнего уровня дерева. Перейдем к следующему уровню: № 5 – сын № 1 и № 3, № 6 – его жена, то есть невестка его матери (№ 1) и сноха его отца (№ 3). По отношению к № 5 персонажи № 8 и № 9 являются двоюродными сестрами, то есть дочерьми его дяди (№ 2).

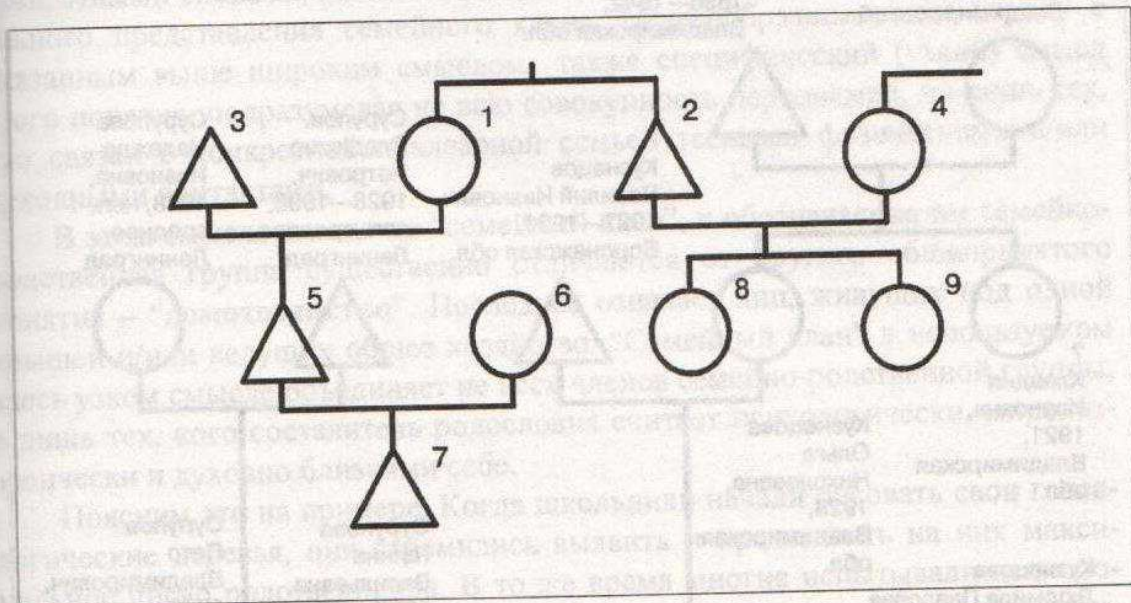

Рис. 2. Фрагмент условного генеалогического дерева

Даже если бы автор-составитель подобного родословия указал только персонажей № 8 и № 9, обозначив их как двоюродных сестер персонажа № 5, и не указал персонажей № 2 и № 4, мы имели бы веские основания “зарезервировать” на дереве место для брата или сестры одного из родителей (№ 1 или № 3) данного персонажа. Именно в этом смысле мы говорим о “вычислимости” пути между любыми двумя персонажами родословного дерева даже при некоторой его неполноте.

Генеалогическое дерево – не просто совокупность (или сеть) персонажей, объединенных системой родственных связей. В его структуре кроме персонажей можно (и целесообразно) выделять и другие относительно самостоятельные объекты. С одной (формальной) стороны – поколенческие уровни (в нашем примере на рис. 2 их четыре); с другой (содержательной) стороны – “нуклеарные” семьи (на рис. 2 их пять); роды или фамилии, которых в нашем примере три; семейно-родственные группы, домохозяйства (для оценки двух последних образований в данном примере нет необходимой информации) и, может быть, некоторые другие.

³ В западной литературе все дети одной брачной пары вне зависимости от пола обозначаются обобщенным термином “сиблинги”.

Под нуклеарной семьей мы понимаем “малую социальную группу, состоящую из супругов и их детей” [23]. Нуклеарная семья может быть полной, если в наличии имеются оба супруга и хотя бы один ребенок, и неполной, если отсутствуют либо один из супругов, либо дети⁴. Очевидно, что каждый персонаж одновременно или последовательно может принадлежать к разным нуклеарным семьям.

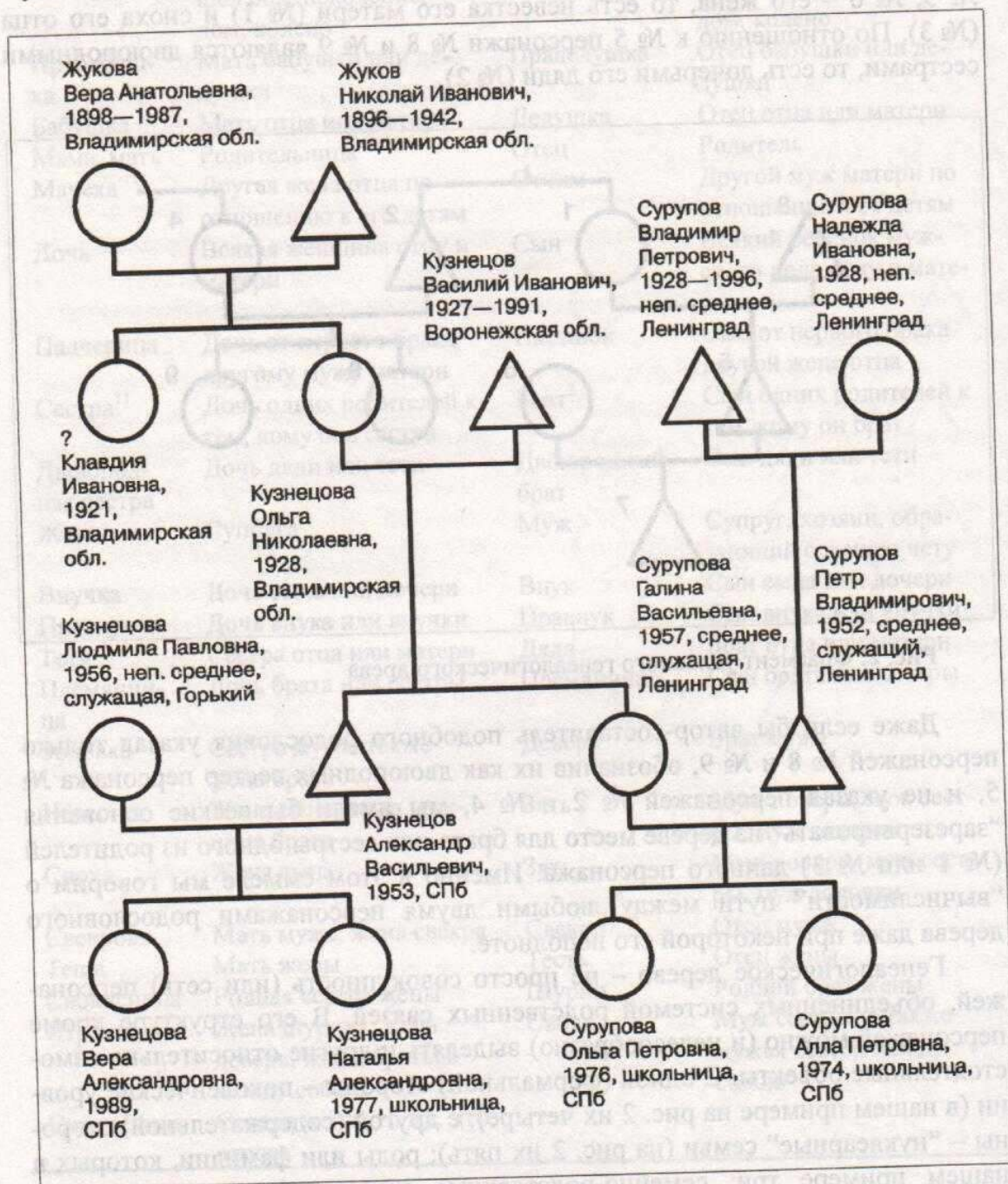

Рис. 3. Генеалогическое древо О.П. Суруповой, 1992/1993 учебный год

⁴ В предельном случае отдельно живущий холостой (незамужний) индивид является собой неполную нуклеарную семью

Родом (или фамилией) будем называть всех персонажей, объединяемых только прямыми (по вертикали) и опосредованными (по горизонтали) кровными родственными отношениями и имеющих одну фамилию. Таким образом, род может занимать всю “вертикаль” генеалогического дерева, в отличие от нуклеарной семьи, которая располагается на одном или двух непосредственно соседствующих уровнях поколений.

Специального обсуждения требует такой элемент генеалогического дерева, как **семейный клан**. Формально все персонажи, включенные в генеалогическое дерево, составляют семейно-родственную группу – семейный клан. Иными словами, генеалогическое дерево – это один из способов визуального представления семейного клана. Целесообразно ввести наряду с указанным выше широким смыслом также специфический (узкий) смысл этого понятия, подразумевая не всю совокупность персонажей, но лишь тех, кто связан с конкретной нуклеарной семьей тесными физическими и/или духовными контактами.

В этом смысле и понятие “семейный клан”, и обозначаемая им семейно-родственная группа существенно отличаются от другого общепринятого понятия – “домохозяйство”. Последнее означает лиц, живущих под одной крышей и/или ведущих общее хозяйство. “Семейный клан” в используемом здесь узком смысле объединяет не всех членов семейно-родственной группы, а лишь тех, кого составитель родословия считает психологически, мировоззренчески и духовно близкими себе.

Поясним это на примере. Когда школьники начали рисовать свои генеалогические деревья, они стремились выявить и представить на них максимальное число родственников. В то же время многие испытывали психологический дискомфорт от того, что определенная (у некоторых довольно значительная) часть персонажей на их деревьях представлена чисто формально. Да, это родственники, но ни по духу, ни “по жизни” они не имеют отношения к их семье. Некоторые поделились этими тревогами с преподавателем. Тогда первоначальное задание было дополнено просьбой обозначить на родословном дереве разными цветами тех, о ком ничего или почти ничего им не известно; кого информант никогда не видел лично, но о ком много слышал, с кем хорошо знаком заочно (семейные легенды); с кем он общался когда-либо, хотя бы единожды; наконец, тех, с кем он и члены его семьи общаются постоянно или достаточно часто и регулярно.

Это дополнительное задание оказалось легко выполнимым и сняло психологический дискомфорт, кроме того позволило получить наглядное представление о степени сплоченности семейно-родственных групп. Стало очевидным, что понятие “наша (или моя) семья” кроме формального (юридического) имеет и неформальное, эмоционально-психологическое содержание, которое, как нам кажется, и отражается в предлагаемом узком смысле понятия “семейный клан”.

Подходы к описанию генеалогических деревьев

Способ и характер описания генеалогических деревьев или, если угодно, теоретическая концепция определяют многое. В частности, идеология ука-

занного выше программного продукта Corel Family Tree охватывает далеко не все из перечисленных нами элементов генеалогических деревьев. Принятая его авторами концепция, похоже, вообще не предполагает обобщенного описания, как не предполагает и типологизации деревьев и много другого, что интересно и необходимо для социолога. Не случайно программа оперирует понятиями "индивид", "мать" и "отец", "супруг" как характеристиками индивида, "дети"-сиблинги (как характеристикой детей).

Активно используется в программе и такое понятие, как "события". Круг событий обширен: это рождение, крещение, конфирмация, перепись, усыновление, эмиграция, окончание учебного заведения, регистрация брака, отставка, утверждение завещания, смерть и, наконец, похороны, то есть почти все важные с для благочестивого католика жизненные события. При этом предлагается возможность зафиксировать место, где произошло каждое событие. Широкий и предлагаемый спектр отношений к включаемым в дерево индивидам: "чужой" (estranged), отдельный, самостоятельный (separated), конфиденциальный, разведенный, партнер, друг, супруг. "Статус отца" (status of father) включает такие определения, как родной (natural), член семьи, усыновитель, официальный опекун, воспитатель, крестник, однако предусматривается и тайный, конфиденциальный (private) iоao. Уже по этим неполным данным, которые авторы CFT предлагают пользователю своего продукта, можно реконструировать образ принятой ими теоретической концепции и охарактеризовать ее ориентацию как весьма прагматическую и далекую от задач, актуальных для социолога.

Описание дерева в целом

Во-первых, в качестве ключевой характеристики целесообразно выделить количество уровней дерева (с отдельным учетом "вышестоящих" и "нижестоящих" по отношению к тому уровню, на котором находится составитель родословия).

Во-вторых, общее число отображенных на нем персонажей. Это самые общие параметры, позволяющие различать и группировать (классифицировать, типологизировать) генеалогии.

В-третьих, к числу общих параметров целесообразно отнести число родов (фамилий), присутствующих на генеалогическом дереве.

Достаточно существенной характеристикой может быть номер уровня, на котором находится информант (или респондент). Номер уровня тоже можно отнести к общим характеристикам дерева. Для того, чтобы последняя характеристика приобрела статус общей, требуется определенная стандартизация в описании деревьев. Действительно, в минимально и максимально "населенных" деревьях из нашей коллекции (рис. 1, 2) в первом случае респондент (составитель дерева) находится на третьем уровне (если считать сверху вниз) и на первом (если считать снизу вверх), во втором случае респондент находится на четвертом уровне (если считать сверху) и на третьем (если считать снизу). Следовательно стоит договориться хотя бы о направлении нумерации уровней. Также целесообразно принять в качестве эталона дерево, включающее максимальное количество уровней, и к этому эталону "привязывать" конкретные генеалогические деревья.

Очевидно, что номер уровня, на котором расположен сам составитель дерева, достаточно тесно коррелирует с возрастом автора. Однако эта связь не настолько жесткая, чтобы заменить данный параметр возрастом. В рассматриваемых нами примерах оба автора – ровесницы, ученицы одного класса, принадлежат к одному поколению, но у одной из них есть племянница, которая и “заполняет” самый “низкий” уровень дерева. Привязка обоих деревьев к условному эталону, с одной стороны, выравнивает “генеалогический статус” респондентов – обе они окажутся на третьем (снизу) уровне, а с другой стороны, дополнительно подчеркивает принципиальное различие между этими деревьями.

Некоторые исследователи, в частности К. Белл, используют прием отображения родословных деревьев, при котором исходно разводятся отцовская и материнская родственные группы [11]. В некотором отношении это целесообразно и даже удобно. По крайней мере эта форма позволяет легко обнаружить известный дисбаланс информированности о родственниках с материнской и отцовской сторон (рис. 4). Однако при этом не столь наглядна общая “глубина” (число уровней или поколений) родословия.

По всей вероятности, номенклатуру общих характеристик дерева можно дополнять. Мы рассматривали довольно большое число возможных характеристик, но инвариантными (то есть не тяготеющими к тому или иному тематическому классу задач) нам показались далеко не все из них. Так, в качестве общей характеристики можно было бы использовать любой параметр самого респондента: возраст, род занятий, место рождения, уровень образования. Но каждый из них, будучи вынесен в число общих характеристик дерева в целом, более или менее жестко тематизирует (привяжет к конкретному тематическому направлению) всю коллекцию.

Следующий ключевой элемент генеалогического дерева – поколенческий уровень, (или колено), на наш взгляд, заслуживает отдельного описания, поскольку характеризует структуру в целом. Целесообразно выделить следующие его тематически независимые (инвариантные) показатели: общее количество персонажей, составляющих данный уровень; общее число супружеских пар; число персонажей, не состоящих в браке; число персонажей, состоявших более чем в одном браке; число детей, то есть число “выходов” на нижестоящий уровень генеалогии или “ребер графа”, связывающих данный уровень с более “младшим” (или с уровнем непосредственных потомков); отношение общего числа персонажей, составляющих данный уровень, к числу всех детей, рожденных его “представителями”. Нетрудно заметить, что все перечисленные показатели имеют чисто количественный характер. Именно это обстоятельство придает им статус общих характеристик любого уровня генеалогии, инвариантных по отношению к конкретной тематике.

Сравнение описаний разных уровней (колен), представленных в том или ином генеалогическом дереве, – достаточно мощный инструмент типологизации самих деревьев. В частности, одним из возможных результатов здесь может быть, например, трехчленная типология генеалогических деревьев или семейных кланов (в широком смысле) такого вида: 1) растущие, развивающиеся; 2) стабильные (самовоспроизводящиеся); 3) затухающие, исчезающие.

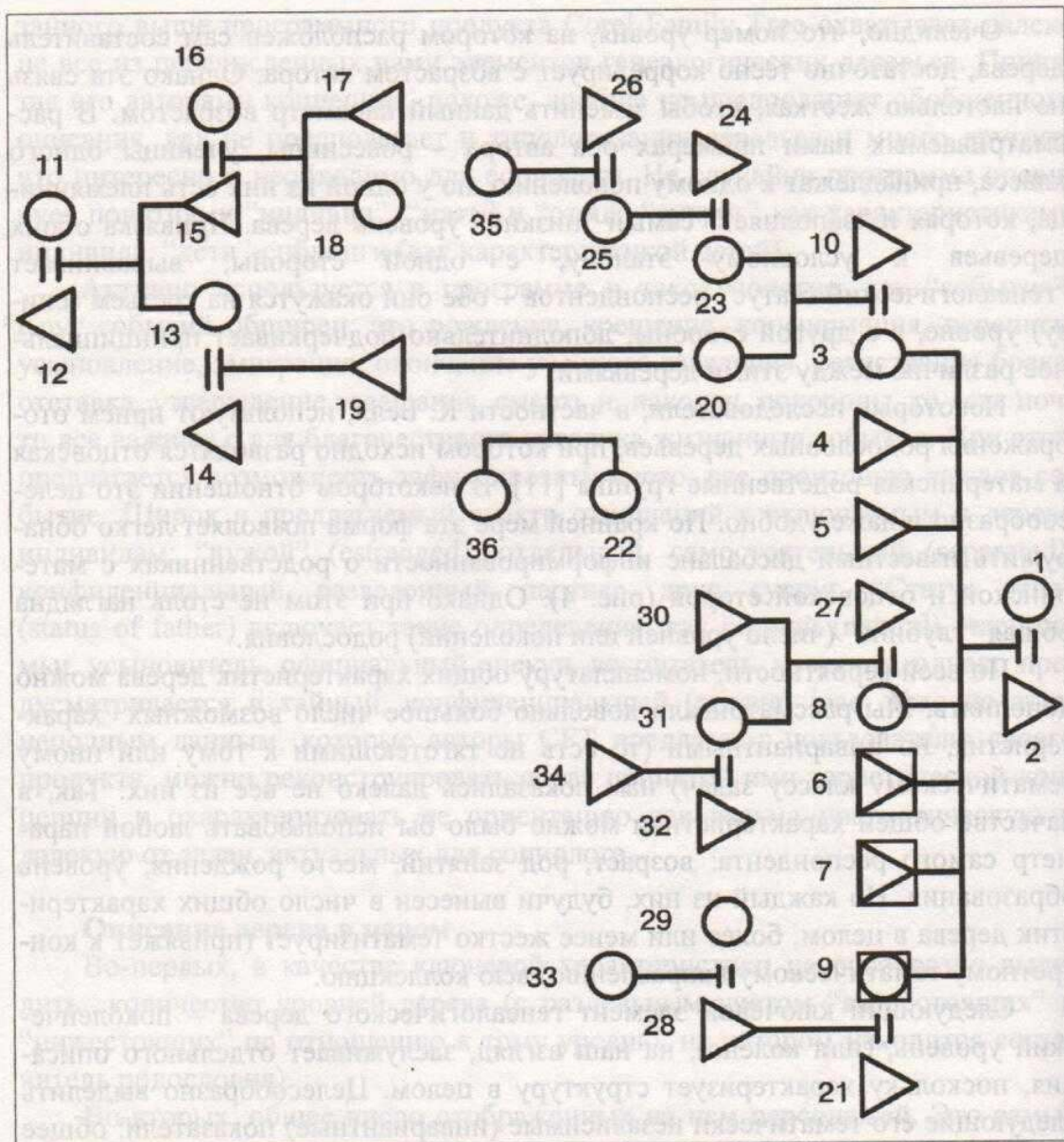

Рис. 4. Генеалогическое древо М.О. Желтоуховой⁵ (СПб ГАК, 1992/1993 учебный год)

Описание отдельных объектов (подструктур) генеалогического дерева

Рассмотрим основные элементы генеалогического дерева (относительно самостоятельные объекты на нем), перечислив с минимальными комментариями характеристики (показатели), необходимые для описания каждого из них.

Нуклеарная семья. Дата образования семьи (дата вступления в брак супругов или дата отделения взрослого холостого лица от родительской семьи); дата распада семьи (смерть, развод или какая-либо иная причина);

⁵ Сведения о персонажах см. в приложении. Автор этого древа — студентка М.О. Желтоухова — летом 1994 г. трагически погибла при восхождении на одну из вершин Кавказа.

“возраст” семьи или продолжительность брака; число детей; общее число членов семьи; даты отделения детей от родительской семьи.

Род (фамилия). Количество персонажей, составляющих род; количество нуклеарных семей, составляющих род; число уровней, на которых располагаются члены рода; диапазон (номера) уровней рода; число замужних женщин, сохранивших девичью (родовую) фамилию.

Комментарий. Как уже говорилось, в последние годы в силу ряда политических, экономических, национальных и иных причин повысился интерес людей к своему происхождению, к истории своей фамилии, своего рода. В России именно происходят, как нам кажется, существенные (в чем-то необратимые) изменения в этой области.

При изучении каждого из выделенных нами элементов (объектов) генеалогического дерева возникает определенный круг задач и проблем. В частности, в современных исследованиях в области медицинской генетики не случайно в качестве объекта генеалогического анализа использовали то, что мы назвали родом, поскольку генетические проблемы присущи именно этому объекту.

Семейный клан (в узком смысле). Общее количество персонажей, относимых к данному клану; число нуклеарных семей, входящих в клан; число уровней поколений, охватываемых кланом; диапазон уровней (их номеров); число родов (фамилий), причисляемых к клану; доминирующий тип родства в клане.

Комментарий. Описание этого объекта связано с определенными трудностями, поскольку нет уверенности в том, что перечисленные характеристики необходимы и достаточны. Четкая и прозрачная идентификация семейных кланов — также отнюдь не простая задача и потребует дополнительной серьезной работы. Можно не сомневаться в значимости выделения данного объекта, а также в том, что исследование семейных кланов будет полезным и интересным со многих точек зрения.

Домохозяйство. “Домохозяйство” определяется как семейно-родственная группа, живущая “под одной крышей” и ведущая общее хозяйство. Выделение этого среза семейно-родственной структуры требует некоторых специальных усилий, по меньшей мере дополнительной установки для составителя родословия и введения дополнительных признаков. Домохозяйство отличается большей тематической ангажированностью по сравнению с другими элементами родословного древа и скрывает в себе “подводные камни”. В частности, члены домохозяйства — не обязательно родственники и не исключительно родственники, но почти всегда это люди, отношения между которыми оформлены юридически (что очень часто несущественно для фактических родственных связей). Тем не менее мы включили данный элемент в описание, полагая, что он будет играть заметную роль в социальных процессах. Для описания домохозяйства представляется существенным следующее: имя (или номер) домохозяйства, число лиц, входящих в домохозяйство; доля женщин (или мужчин); число фамилий (родов), представленных в домохозяйстве; число нуклеарных семей.

Конкретный персонаж (индивид). Пол, даты жизни (рождения и смерти); число браков; дата вступления в каждый брак; дата прекращения каждого брака; место рождения.

Комментарий. Количество характеристик индивидов может быть больше, однако мы ограничились только названными выше, поскольку иные параметры достаточно жестко заданы конкретной исследовательской тематикой (род занятий, профессия, образование, квалификация, место жительства, место работы). Впрочем, и дата вступления в брак, и дата прекращения брака могут быть квалифицированы как тематически ангажированные.

Позиция “место рождения” может показаться спорной, ибо само по себе место рождения человека в определенном смысле случайно. Известно много случаев, когда женщины рожают, например, в дороге, и впоследствии человеку никогда не удается попасть в то место, где он родился. Однако правилом является иное: место рождения достаточно тесно связано с длительным проживанием либо самого человека, либо его родителей.

Позиция “даты жизни” (также как и “даты браков”) может иметь два состояния: закрытое, если персонаж умер (или если брак распался), и открытое, если персонаж жив на момент составления дерева (а брак действителен).

О достоверности “массовых генеалогий”

Люди, которые пытаются строить свои генеалогические деревья, нередко ощущают бесполезность обращения за помощью в какие-либо учреждения, хотя в последние годы появилось довольно много организаций, занимающихся вопросами генеалогии. Общества и союзы, объединяющие потомков дворянства и аристократии, генеалогические общества, исторические архивы, фонды, исследовательские организации – все эти учреждения заняты реставрацией традиционного, тщательно документированного построения генеалогий.

Как правило, человека удовлетворяет даже примерная картина, подтвержденная свидетельствами близких или дальних родственников. Генеалогические деревья в этих случаях являют собой инструмент самоидентификации, средство самоутверждения и самосохранения личности в истории, памяти потомков. Важно то, что составляют эти деревья не титулованные особы, озабоченные претензиями на наследство и привилегии, а обычные граждане. Поэтому массовая генеалогия подчиняется не законам права, а законам общей психологии. В частности, из нее “вытесняются” неприятные для респондентов персонажи, она в высокой степени избирательна. Некоторые персонажи могут не попасть в нее по “законам здравого смысла” или по законам “нормального восприятия”.

В нашей практике был случай, когда один автор упорно не включал в свое генеалогическое дерево старшую сестру, умершую в младенческом возрасте. О ее существовании он хорошо знал, но психологическое убеждение в том, что у него нет и никогда не было живых сестер (ни младших, ни старших), а та, что была, умерла в девятимесячном возрасте за полтора года до его собственного рождения, оказалось сильнее рационального фактографического знания. Когда этот психологический барьер был преодолен, возник другой вопрос: надо ли включать в генеалогию “несостоявшегося брата” – мертворожденного мальчика (об этом факте из жизни матери автор также хорошо знал). Если бы исследование было посвящено проблемам деторождения, то все три случая родов (мертворожденный младенец; дочь, умершая

в девятимесячном возрасте и, наконец, доживший до настоящего времени сын – автор генеалогического дерева) имели бы статус релевантной информации. Чтобы изучить механизмы репродуктивного поведения, для демографической науки важно фиксировать не только рождения, но и зачатия, и прерывания беременности (естественные и искусственные). Но так как данная генеалогия служила типичным целям “массовой генеалогии” – познание собственных корней, самоидентификация и т.п., – то первые два рождения представляют собой лишь свидетельства упорного желания матери иметь ребенка.

Причины неточностей или умолчаний в генеалогических деревьях, а также их несоответствия действительным “историческим” семейным событиям могут быть разными. Наши примеры показывают, что такого рода ситуации достаточно типичны для генеалогий, которые мы называем массовыми. В связи с этим резонно поставить вопрос о степени достоверности информации, содержащейся в такого рода источниках. Наша принципиальная позиция состоит в том, что в ситуации опросов люди редко говорят неправду. Этот принцип в еще большей мере применим к массовой генеалогии. В то же время при обращении к генеалогическим деревьям следует учитывать, что их составители могут что-то забыть, о каких-то моментах собственной истории могут не знать, а иногда даже не догадываться о том, что информацию о своей семье можно где-то получить. Тем не менее массовая генеалогия, на наш взгляд, является источником надежной и достоверной информации об истории жизни семей.

В процессе сбора эмпирических данных следует тщательно прорабатывать методологические и методические вопросы, думать о приемах, которые помогли бы составителям родословий (не профессионалам) активизировать память, уйти из под влияния предрассудков и стереотипов, о том, чтобы подсказать пути (каналы, источники) поиска необходимой дополнительной информации. Естественно, все это способствует повышению достоверности и надежности данных.

“Человеческие” особенности метода

По нашему мнению, генеалогические деревья являются полноценным источником информации для изучения широкого спектра социологических проблем. Сама идея массовой генеалогии может иметь значительный социальный эффект, особенно в условиях глубоких общественных трансформаций, которые переживает российское общество. Кроме того, генеалогия выполняет некоторые социальные и социально-психологические функции. Опыт работы со школьниками и студентами показал, что многие из тех, кто начинал строить свои генеалогии, настолько вовлекались в эту работу, что продолжали поиски недостающей, по их мнению, информации совершенно самостоятельно. А затем, опять же самостоятельно, они начинали работать над текстами семейных хроник или биографий своих родителей, бабушек, дедушек, не говоря уже о собственных биографиях. Генеалогический импульс стимулирует пробуждение импульса биографического. Впрочем, и обратное влияние не редкость. В некоторых биографических интервью большие трудности возникали в начале работы – рассказчик никак не мог

начать рассказ о своей жизни. Рекомендация интервьюера попробовать сначала нарисовать генеалогическое дерево в большинстве случаев оказывалась наиболее эффективным средством преодоления стартовых трудностей. Среди материалов биографического фонда, как пришедших к нам "самотеком", так и в известном смысле стимулированных нами, генеалогические деревья также не редкость. При этом, по свидетельству самих авторов, построение генеалогического дерева помогало им полнее вспомнить конкретные жизненные ситуации, обстоятельства жизни, связанные с разными людьми, и вообще вызывало поток живых воспоминаний и ассоциаций. Кроме того, построение генеалогии помогало им организовать, структурировать, композиционно выстроить текст автобиографии. Таким образом вырисовывается еще одна очень важная, на наш взгляд, социальная функция генеалогии — функция стимулирования, активизации биографического импульса и биографической (исторической) памяти.

Заключение

Возрождение исторической памяти, неподдельный интерес людей не только к истории вообще, но и к собственным социальным корням, — одна из отличительных черт современной России (возможно, всего постсоветского пространства и стран так называемого социалистического лагеря). Разные мотивы поддерживают этот интерес, разными способами люди пытаются его реализовать, но, как правило, он имеет бескорыстную мотивацию. Генеалогические деревья представляются одним из наиболее адекватных способов не только удовлетворения этого интереса, но и исследования самого процесса возрождения исторической памяти.

Этот процесс отчасти и проявляется в "массовой генеалогии", сначала появившейся спонтанно, а затем поддержанной некоторыми исследователями (к числу которых относим и себя). Сегодня благодаря бескорыстному интересу людей к своим корням, внутренней потребности самоопределения (идентификации), родословные деревья обретают культурный статус. Может быть, по мере продвижения экономических реформ они вновь обретут утраченный было в советское время статус юридический.

Обращение социологов к источникам этого типа, на наш взгляд, весьма перспективно, однако требует решения серьезных методологических и содержательных проблем. Опыт освоения современной вычислительной техники показывает, что компьютерные технологии эффективны лишь тогда, когда исследователь умеет достаточно полно и содержательно описывать свою предметную область на модельном уровне.

Мы попытались описать и проанализировать структуру родословий, чтобы понять, каким образом можно использовать их в социологическом исследовании. В то же время мы имели в виду подходы к обоснованию и разработке базы данных, специально предназначенной для информации такого типа. Именно по этой причине нас заботит инвариантность, если угодно, универсальность характеристик родословных деревьев. Инвариантность мы трактуем прежде всего как тематическую "неангажированность". Задача состоит в разработке общих принципов такой базы данных и общих алгоритмов управления ею. Если эта задача будет решена удовлетворительно, то

подключение специфических тематически ангажированных характеристик и признаков станет, как говорится, делом техники.

Приложение

Сведения о персонажах генеалогического дерева М.О. Желтоуховой (СПб ГАК, 1992/93 уч. год)

№	Фамилия Имя Отчество	Даты жизни	Образова- ние	Занятие	Место жительства
1	Борисовская Матре- на Макаровна	1887-1943			Великолукская обл., Ленинград
2	Борисовский Андрей Степанович	1883-1942		крестья- нин	Великолукская обл., Ленинград
3	Борисовская Екате- рина Андреевна	1919		рабочая	Ленинград
4	Борисовский Иван Андреевич	1910-1944			дер. Тюхтилово Великолукская обл.
5	Борисовский Семен Андреевич	1913-1942			дер. Тюхтилово Великолукская обл.
6	Борисовский Алек- сандр Андреевич	? — 1981			Ленинград
7	Борисовский Сера- фим Андреевич	1929		инвалид	Сестрорецк
8	Борисовская Любовь Андреевна	1924	среднее специальное	повар	Ленинград
9	Борисовская Анто- нина Андреевна	1922	среднее специальное	продавец	
10	Попильшкин Миха- ил Мартынович	1904		токарь	Ленинград
11	Дубинецкая Елена Викторовна	1886-1940		домохо- зяйка	Кувшиново Калининской обл.
12	Дубинецкий Василий Станиславович	1880-1931		учитель географии	Кувшиново Калининской обл.
13	Дубинецкая Вален- тина Васильевна	1928		воспита- тель дет- сада	Выборг
14	Желтоухов Констан- тин Васильевич	1921— 1983	военное- училище	военный	Германия, Калинин
15	Дубинецкий Стани- слав Васильевич	1925-1988	высшее	геолог	Выборг
16					
17	Дубинецкий Юрий Станиславович	1947	высшее, ЛИСИ		Выборг
18	Дубинецкая Галина Станиславовна	1951		фармацевт	Выборг
19	Желтоухов Олег Константинович	1947	высшее	военпред	Ленинград
20	Желтоухова Лилия Михайловна	1947	высшее	инженер НПО "Уран"	Ленинград
21					
22	Желтоухова Яна Олеговна	1980		школьница	Ленинград

23	Коспарева Раиса Михайловна	1939	высшее, ЛФЭИ	экономист	Ленинград
24	Коспарев Лаймонд Константинович	1935	высшее	военный	Ленинград
25	Горшкова Лилия Лаймондовна	1960	высшее, ЛФЭИ		Ленинград
26	Горшков Игорь Николаевич	1960	высшее, ЛИАП		Ленинград
27					
28					
29	Капустин Юрий Семенович	1947			
30					
31					
32					
33	Капустина Елена Юрьевна	1974			
34					
35					
36	Желтоухова Марина Олеговна	1973-1993	н/высшее	студентка ЛГИК им. Крупской	СПб

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 454.
2. Гейтнер В.Г. Родословное древо в биологии // Большая советская энциклопедия. Т. 22. М.: Изд-во "Советская энциклопедия", 1975. С. 166.
3. Большая советская энциклопедия. Т. 6. М.: Изд-во "Советская энциклопедия", 1971. С. 217.
4. Bertaux D., Bertaux-Wiame I. Le patrimoine et sa lignée: transmissions et mobilité sociale sur cinq générations // Life stories: Récits de vie. 1988. No. 4. P. 8-26.
5. Bertaux D. Mobilité sociale: l'alternative // Sociologie et sociétés. 1993. . V. 25. No. 2. P. 211-222.
6. Letourneau E., Mayer F. Un modèle d'analyse de genealogie ascendante // Cahiers quebécois de démographie. Vol. 17. N 2. 1988. P. 213-231.
7. Mayer F., Lavoie V., Letourneau E., Lavoie J. Un programme de recherches sur la dynamique bioculturelle // Cahiers quebécois de démographie. Vol. 17. No. 2. 1988. P. 289-296.
8. Sevin A., Boetsch G. Fichiers genealogies et analyse de la structure genetique de population non isolées application a une population agricole du Limousen // Cahiers quebécois de démographie. Vol. 20. No. 1. 1988. P. 37-50.
9. Cuisenier J., Raguin C. De quelques transformations dans le système familial russe // Revue française de Sociologie. Vol. VIII. 1967. P. 521-557.
10. Габдрахманов П.Ш. Семейные традиции средневековых крестьян в отражении их родословных (Фландрия, XII в.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М.: Наука, 1996. С. 209-238.
11. Bell C. Middle class families: Social and geographical mobility. London: Routledge & Kegan Paul, 1968.
12. <http://www.FamilyTreeMaker.com>
13. <http://www.uftree.com>
14. Семейный вопросник. Проект "Россия" / Институт питания АМН, Институт социологии РАН. М., 1995.

15. Bertaux D. Social genealogies, commented and compares: An instrument for observing social mobility in processes in the "Long Duree" // The conference on social inequality in historical and comparative perspective. Prague, 1991.
16. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1997.
17. Sociological uses of life stories and family genealogies: International workshop, 17-23 August 1992. Latky, Czech and Slovak Federal Republic. Volume of documents.
18. Biography & Society: Letter from the President. Newsletters 1996. Research Committee 38 of the ISA, Dec. 1996.
19. Biography & Society: Letter from the President. Newsletters 1997. Research Committee 38 of the ISA, Dec. 1997.
20. Козлова Н., Сандомирская И. "Я так хочу назвать кино": "Наивное письмо": Опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, 1996.
21. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // На перепутьях истории и культуры: Труды Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Серия III. Материалы текущих исследований. СПб., 1995. С. 82-116.
22. Даль И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т 1-4. М.: Терра, 1953.
23. Мауковский М.С. Семейная группа // Социология: Словарь справочник.. Т. 2. Отдельные отрасли социологического знания. М.: Институт социологии РАН, 1990. С.151.